

Кровь была ее аватарой и печатью...

Эдгар Аллан По.

Маска Красной смерти

Пролог

ПЕЛАПАТАРН

Еще один корабль, сбитый миниатюрной, как булавка, боеголовкой с антиматерией, выпал из тактического построения — и у капитана Аннелиды Дил в штабной каюте «ятагана» «Праведный гнев» вырвалось злобное ругательство. Корабли внешников, обороняя штаб командования на планете, дрались с неожиданным упорством. Если бы пробиться за их строй, определить бункер, где проходит конференция, и уронить на него боеголовку приличных размеров, — войне конец. Дил одним ударом сумела бы выполнить приказ: обезглавить вражеское командование и привести в беспорядочное расстройство их войска.

Доклады разведки позволяли предположить, что операция будет несложной: туда и обратно. Внешники, чтобы не привлекать внимания, держали здесь минимальный флот. Теоретически Дил должна была разметать его без особого труда. Только вот никто — может быть, даже сами внешники — не предвидел, как неистово они будут драться. Флот Конгломерата уже потерял пару фрегатов и легкий крейсер. Там, где, разбрасывая искры и куски корпуса, крейсер падал сквозь атмосферу, еще тянулся к ночной стороне Пелапатарна дымный след, указывая на рассыпанные по океану обломки крушения.

По кораблю разнесся сигнал тревоги. Приближались новые ракеты.

Капитан Дил сжимала края планшета с тактической схемой. Вокруг ждали ее решения мрачные и нервные лица лейтенантов в голографическом изображении.

— Не пробьемся, — сказал один из них, и Дил увидела, что он прав.

Основные силы флота внешников скопились между ее кораблями и планетой. Любой снаряд перехватят и уничтожат еще над атмосферой. Оставалась надежда самой пробиться сквозь блокаду. Но это — потеря времени и людей. Ее «ятаганы» быстрее и современнее крейсеров Внешнего флота, а у врага стена за спиной. Пока она выйдет на расстояние удара по планете — если выйдет, — собравшийся на совещание штаб внешников успеет рассредоточиться. Чтобы закончить войну, бить надо было сейчас.

Вызвав штаб флота, Дил узнала, что с Холодного Тора к ней идет стая в четыре «хищника». Такого подкрепления недостаточно, чтобы решительно переломить ход сражения, но начальство нашло им другое применение.

А ей было поручено отдать приказ.

— Соедини меня с «Адалвольфом», — обратилась она к связисту.

— Есть, капитан!

Тускло осветился главный экран, на нем возникла голограмма: бритый череп и густая кустистая борода. Капитан «Адалвольфа» Валерий Яша Барков лежал в командном ложементе, от которого к гнездам на его затылке тянулись волоски оптоволоконных кабелей.

— Добрый день, — на русском поприветствовал он Дил и по-волчьи оскалился, откровенно радуясь предстоящему бою. — Вот-вот буду с вами.

— Нет, капитан, — покачала она головой, — у меня для вас другое задание.

Барков изогнул бровь:

— Приказывайте, исполню.

Дил, опершись руками на стол, склонилась к нему:

— Вы должны проскочить за флот внешников. В битву не ввязываться. Ваша цель — планета.

Недоумение на лице Баркова сменилось недовольством.

— Но ведь еще не известно, где проходит конференция. Пока проведем разведку джунглей, подтянутся корабли внешников.

— Поэтому разведку приказываю пропустить.

— А что же бомбить? — растерянно спросил он.

Дил слотнула. Услышала стук собственного сердца.

— Всё.

Барков беззвучно пошевелил губами, не произнося слова вслух, и наконец выговорил:

— Вы хотите уничтожить мыслящие джунгли Пелатарна?

Капитан Аннелида Дил почувствовала, как холодный пот выступил у нее на лбу.

— Нам приказано сбрызнуть их под корень, — процедила она.

Старый боевой конь мгновенно совладал с изумлением. Глубоко вобрав воздух в пещеры ноздрей, Барков вытянулся в струнку:

— Будет сделано.

Капитан Дил наблюдала за всеожжением из рубки «ятагана». Она хотела видеть исполнение приказа не в компьютерной графике, а своими глазами. Ей было известно, что внизу, в джунглях, находятся солдаты обеих воюющих сторон и несколько тысяч гражданских. Но Дил говорила себе, что жертвы оправданны. Она не сомневалась в правоте вышестоящих: быстрый и решительный конец войны в итоге спасет больше жизней, чем будет потеряно в этом огненном вихре.

Когда над единственным суперконтинентом планеты встало первое грибовидное облако, она ощутила мгно-

венную пустоту в желудке — словно отказала гравитация. В рубке все замерли. Даже внешники прекратили обстрел.

Четыре «хищника», пулями пронесаясь сквозь нижние слои атмосферы, выпустили на волю весь арсенал, заливая пятисоткилометровые полосы перед собой огнем и смертью. Атомные взрывы изрыли землю кратерами и подожгли миллионы квадратных километров растительного покрова. Заряды с антиматерией вгрызались в самую плоть планеты, вырывая и выбрасывая в небо огромные фонтаны грунта и камня, а боеприпасы меньшего калибра осыпали каждую подозрительную цель, срезая все, что шастало, ползало или летало.

Хватило одного захода.

Они явились из ниоткуда и таким же прыжком ушли, не дав вражескому флоту времени развернуться. После себя они оставили пылающую миллиардолетнюю биосферу и задушенную пеплом с радиоактивной пылью атмосферу.

Пожар бушевал шесть недель.

Война закончилась в первую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

...Как ужасный океан со всех сторон окружает цветущую землю, так и в душе у человека есть свой Таити, свой островок радости и покоя, а вокруг него бушуют бесчисленные ужасы неведомой жизни¹.

Герман Мелвилл. Моби Дик

¹ Перевод И. Бернштейн.

САЛ КОНСТАНЦ

— Я слышу стук, — склонившись ниц, сообщила Альва Клэй и, откачнувшись на пятки, опустила со лба защитную маску. — По-моему, как минимум двое.

Не вставая с корточек, она зажгла резак.

— Эй, Джордж, — отвернувшись от пламени, окликнула я, — здесь еще люди. Идите сюда.

На дрейфующей корме поднял голову от носилок с пациентом одетый в броский оранжевый комбинезон медика Джордж Уокер.

— Да, капитан, — отозвался он и тяжеломерно зашагал ко мне — старику нелегко было удержаться на качающейся, стонущей под ногами палубе.

— Мы нашли выживших, — сказала я.

Из другой дыры, прорезанной Клэй в обшивке разбившегося разведывательного корабля, мы уже вытащили четверых, но только одного — живого.

«Хобо» погрузался в океан. Над поверхностью воды торчала сейчас лишь верхняя площадка в несколько десятков квадратных метров. Сбоку от меня лениво плескались подкрашенные солнцем розовые волны. Я потеряла лоб. Как же это вышло? «Хобо» занимался исследованием планет для колонизации. Как эти болваны умудрились грохнуться да еще затопить весь корабль?

Мое спасательное судно «Злая Собака» громадной бронзовой пулей зависло в воздухе сотней-другой метров

к востоку. До вступления в Дом Возврата «Злая Собака» была тяжелым крейсером класса «хищник» и служила одной из крупнейших группировок человечества — Конгломерату. Восемьдесят пять процентов ее массы составляли двигатели. Плавные линии обтекаемого корпуса искажало множество выступов и проемов: орудийные гнезда, датчики, ангары для дронов и пустые ракетные установки.

— Как дела, корабль? — обратилась я к ней.

Она ответила через имплантированную в мое ухо капсулу:

— Мне не удалось восстановить базовую личность «Хобо». Я добралась до ядра, но, по-видимому, он стер высшие функции.

— Даже черный ящик? — нахмурилась я. — Зачем он это сделал?

— Согласно последним сохраненным данным, он счел себя виновным в крушении.

На горизонте скапливались тучи, грозили затмить низкое, отливающее кровью солнце. Морской бриз ерошил мне волосы. Я запахнула и застегнула на молнию пилотскую куртку.

— Это необычно?

Я впервые слышала о преднамеренном самоубийстве наделенных индивидуальностью кораблей.

— Разведчики есть разведчики, — хладнокровно ответила «Злая Собака». — Они слишком много времени проводят в одиночестве, отсюда и странности.

Взглянув на рябь, по сантиметрику отгрызающую верхушку «Хобо», я пожала плечами. Все это не наша забота. Наше дело — извлечь тела живых и мертвых и доставить их на станцию Камроз. А там уж пусть другие — следователи службы безопасности и юристы — озадачиваются конкретными причинами несчастного случая.

— А в остальном с ним что? — спросила я.

— Продолжает заполняться водой. Полное погружение ожидается не более чем через пятнадцать минут.

— Здесь глубоко?

— Тысяча пятьсот метров, и полно фауны.

Я заглянула за борт. В воде метались и шныряли похожие на рыб тени. Бока этих существ поблескивали, как серебряные ножи. В глубине ходили тени крупнее.

— И?..

— Плюс с востока надвигается шторм. Не более десяти минут.

— В смысле нам лучше пошевелиться? — уточнила я и переключилась на Альву Клэй. — Ты слышала?

На ее темной маске отражались холодные вспышки резака. Там, где пламя касалось обшивки, фонтаном сыпались искры.

— Быстрее не могу.

— Смоги, если не хочешь промочить ноги.

Дреды Клэй были перевязаны потертой засаленной банданой. Кисти и запястья защищены тяжелыми рабочими перчатками, но голые плечи выставляли напоказ татуировки, сделанные на войне Архипелага, — Клэй служила в морской пехоте в мыслящих джунглях Пелапатарна. Давно пора было привыкнуть, но я до сих пор не могла спокойно смотреть на ее тату. Своих же собственных призраков я держала при себе: не видела нужды тыкать ими в глаза всему свету.

Изнутри больше не стучали. Если у тех, в отсеке под нашими ногами, есть капля здравого смысла, они сейчас спрячутся от резака и полуметровой металлической пробки, которая вот-вот провалится вниз, когда Клэй замкнет круг.

Джордж Уокер снял с плеча медицинский набор и принялся раскатывать самонадувающиеся носилки. В ржавом свете заката его редущие седые волосы казались розоватыми. Вода подступала к побитым пластиковым сапогам старика.

— Осторожно, — сказала я. — Держитесь подальше от края. Лень будет вас вылавливать.

Джордж насмешливо прищурился — считал, что я слишком суеучусь. Он служил на «Злой Собаке», когда та входила в состав флота Конгломерата, и остался, когда она подала в отставку и перевелась в Дом Возврата. В первый день моего капитанства он водил меня по кораблю, показывая тайные уголки, заплаты, обходные пути, известные только тем, кто отработал здесь не один год. Я, судя по всему, напоминала ему дочь: живет на Земле, адвокат с двумя детьми и горой закладных. Однажды, во время внеплановой командировки в Берлин, я видела эту женщину и не заметила между нами никакого сходства. Не знаю уж, с какой стати старик перенес свои чувства к ней на других.

— За меня не волнуйся, капитан, — сказал он. — Главное, вытащи нас отсюда, пока эта развалина не ушла на дно.

Я опасливо глянула на горизонт. Не нравились мне эти тучи.

— Постараюсь.

Когда Клэй закончила вырезать круг, палуба еще глубже осела в воду, и волны продвинулись на полметра вперед. Бриз набирал силу. Все мы понимали, что время истекает. Подводного снаряжения у нас с собой не было. Если достанем этих двоих, они будут последними спасенными с «Хобо», которому предстоит долгий спуск по спирали в темноту и тишину. Остальных, если они там есть, потеряем.

Мы сделали все возможное.

Клэй выключила и отложила резак:

— Уступаю эту честь тебе, капитан.

Вдали рокотал гром. Клубились облака — передний край розовой тучи. Раскаленный контур разреза светился, как уголь. Я занесла правую ногу и топнула по середине круга. Весь кусок со скрипом и скрежетом провалился в морскую воду, залившую отсек. Мы на мгновение за-

мерли, ожидая движения, голоса, хоть чего-нибудь. И Альва Клэй, выругавшись, ногами вперед соскользнула в отверстие.

Она почти сразу выплыла обратно, отдуваясь, выдыхая воздух с брызгами и зажимая под мышкой шею молодого парня. Оба барахтались, чтобы держаться на плаву. Я легла на мокрую палубу, дотянулась до них и с помощью Уокера вытащила мальчишку наружу.

Мы перекатали его на носилки.

— Ранен?

Внезапный порыв ветра остудил мою кожу.

Уокер, одной рукой щупая парню пульс, отмахнулся другой:

— Работайте, этим я займусь.

Я оставила его склонившимся над носилками, а сама снова подползла к дыре. Легла, свесившись головой и плечами над краем, так что мне виден был луч фонаря Клэй, шаривший в темной воде. В дневном свете, падавшем сквозь отверстие, я различила разбросанные предметы: пластиковую вилку, расческу, пустую чашку, одинокий ботинок...

От горизонта докатился новый удар грома.

Будь у нас больше времени, я бы вызвала на помощь дрон. Но мы и так уже испытывали удачу.

— Там что-то есть. — Клэй, вынырнув, ухватилась за край дыры. — Вытаскивай меня.

Я взяла ее за запястья:

— Что ты?..

— Салли, я не шучу! — вскрикнула она и попыталась выкарабкаться сама. — Тяни, чтоб тебя!

Я не спорила. За три года нашего знакомства я еще не видала Клэй в таком раздрае. Напряженной видела, встревоженной, но испуганной — никогда. Я со всей силы потянула ее к себе и, когда она оперлась на локти, перехватила за инструментальный пояс. От рывка мы обе

повалились на палубу — она сверху. Я чувствовала вкус соли от ее промокшей одежды. Раскатившись, мы сели на сырую палубу под пляшущими в облаках вспышками зарниц, под первыми брызгами дождя, принесенными усилившимся ветром.

— Где второй?

Клэй сглотнула, пытаясь выровнять дыхание:

— Нету.

Я поднялась на ноги, всмотрелась в темный круг:

— Было же двое...

— Его уволокли, — сказала она, обхватив себя руками.

— Кто?

— Не знаю, — ответила Клэй, тяжело дыша; грудь у нее вздымалась и опускалась. — Что-то большое и быстрое.

— Вроде акулы?

Один из погрузившихся в воду шлюзов был открыт, и я увидела, как в затопленный отсек «Хобо» протискивается большая рыба.

— Нет, — мотнула головой Клэй. — Со щупальцами.

Встав, она вынула пистолет и попятилась от дыры. Я, бросив еще один взгляд в глубину залитой каюты, последовала ее примеру.

Небо расколот удар грома. Тучи еще не надвинулись, но дождь летел впереди них, словно буря брызгала слюной.

— Уходим.

Клэй целилась в дыру, как будто ожидала, что оттуда вылезет морское чудовище. Она боялась — и имела на то полное право.

Погода портилась. «Хобо» в любую секунду мог уйти из-под ног. Наше время кончилось, надо было эвакуировать выживших — без промедления.

Я открыла рот, чтобы приказать «Злой Собаке» выслать за нами челнок, но замерла, услышав всплеск за спиной. Обернувшись, успела увидеть, как что-то оран-

жевое скрылось под волнами. В тот же миг в ухе заверещал сигнал тревоги: «Злая Собака» шумно требовала внимания. Клэй ее тоже услышала и рискнула оторвать взгляд от дыры.

— Эй... — произнесла она, и моя растерянность отразилась у нее на лице. — Где Джордж?

Ночью я почти не спала, но все равно заставила себя встать в шесть ноль-ноль, как всегда.

Выскользнула из-под простыни, не разбудив Адама. Его мягко похрапывающее тело растянулось костяным ксилофоном. Выбившиеся из хвостика на затылке волосы рассыпались по мальчишескому лицу. Брюки из кождама он небрежно кинул на спинку стула, а один сброшенный в порыве страсти ботинок теперь торчал в металлической мойке подошвой кверху. Надев халат, я подумала, не чмокнуть ли парня в лоб, но решила не будить. Незачем ему мешаться в мои утренние дела. Выходя из каюты, я как можно тише прикрыла дверь.

Коридор вел в глубокую шахту, метров пятьдесят сверху донизу и вполовину того в ширину. Стены ее были покрыты балкончиками и висячими садами. Сладкий, приятно теплый воздух пах розами и тучной мшистой почвой. В открытом пространстве порхали птицы и бабочки. От цветка к цветку перелетали пчелы. Я постояла немножко, упиваясь этим зрелищем и подумывая когда-нибудь написать поэму о жизни на «Амстердаме» или другом лайнере из его узкотелой родни.

Когда-нибудь, но не сегодня.

Наспех стянув пояс халата, я дошла до ближайшей транспортной трубы и спустилась в тренажерный зал по-

людужиной палуб ниже. Каждое утро без пропусков — час тренировки перед завтраком. Эта привычка сложилась за долгие годы в...

Я спохватилась, не додумав мысли, и переключила внимание на ждавшие меня дорожки и эспандеры.

В семь ноль-ноль по корабельному времени мои мышцы остывали после хорошей нагрузки, а я отдыхала в бассейне, любуясь поблескивающими пылинками звезд за большим панорамным окном, занимавшим всю заднюю стену спортивного зала.

Через пару часов мы должны были подойти к Мозгу — первому из ожидавших нас Объектов. «Хейст ван Амстердам»¹ и на минуту не желал задерживаться в Галерее, но мы, пассажиры, хотели поближе рассмотреть Объекты и настояли на своем. «Амстердам», даже если забыть о том, что Галерея располагалась в спорном участке пространства, прежде всего заботился о соблюдении маршрута и расписания — дело чести для кораблей его типа. И все же, когда на нашу сторону встал и капитан Бентон, лайнер не хотя согласился продлить присутствие в системе, чтобы пройти вблизи Мозга, Перевернутого города и Додекаэдра.

Все пребывали в восторге. Мне, как и большей части человечества, Объекты были знакомы только по многократно растиражированным кадрам. Шанс увидеть своими глазами целых три достопримечательности был из тех, что выпадают раз в жизни, — о таком можно рассказывать внукам. Когда корабль объявил о своем решении, я улыбнулась его покладистости. После семи недель осторожного флирта я наконец позволила соблазнить себя молодому поэту Адаму Леруа, который весь рейс преследовал меня пышной трагической страстью, и теперь хотела насладиться зрелищем таинственных скульптур в обще-

¹ «Дух Амстердама» (голл.).

стве юного любовника. Его радость, чистую и детскую, на какую сама уже не способна, я собиралась переложить в стихи, в которых выдала бы за свое его простодушное восхищение чудом.

Адаму исполнилось восемнадцать с половиной. Он еще сохранил подростковую расхлябанную неуклюжесть, но уже носил всезнающую мину презрения к тому, что именвал «скукой обыденного бытия». Он родился и вырос на «Амстердаме» и за свою короткую жизнь повидал много планет — впрочем, большей частью в окно или через лицевой щиток скафандра. Он мало знал жизнь вне безопасного корабля и еще меньше знал женщин. Он очень отличался от знакомых мне мужчин, — думаю, новизна и привлекла меня к нему. Уж наверняка не его поэзия — напыщенная, полная гипербол и ненужного драматизма, лишенная тонкости, которую привнес бы в те же темы более зрелый ум. Не будь рейс таким долгим, я никогда не пустила бы Адама в свою постель.

Даже теперь, нежась в теплой воде, я сомневалась, не сделала ли неловкой ошибки. Он, прежде всего, был намного младше и хотел, чтобы я обучила его всему, что знала о поэзии.

На это хватило бы получаса.

За последние три года я выпустила несколько эпических поэм, весьма неожиданно сорвавших шумные аплодисменты. Шедевров я среди них не находила. И поэтичности не видела. Наоборот, я писала почти клинически ясным языком, а сами стихи — жесткие, нагруженные чувством вины — были не для массового потребителя. Однако простота и безыскусность чем-то зацепили послевоенную публику, дав выход невысказанным чувствам утраты и раскаяния. И вот я в растерянном удивлении слышала, как мои скромные слова восхваляют по всей Общности, объявляя их голосом потерянного поколения.

Задним числом я понимала, что публиковать их не следовало даже в частном порядке. Но откуда мне было знать, что некий друг с самыми лучшими намерениями выложит мои стихи на всесистемный литературный сервер и что эти слова так отзовутся в читателях Общности. Я-то задумывала их как малую личную дань вроде праха покойного, развеянного над океаном культуры. А читатели ни с того ни с сего узрели в моих пересказах старых трудов новые политические надежды и отрицание тех территориальных претензий, что и привели к войне Архипелага. Я по чистой случайности стала знаковой фигурой, символом возрождения.

А мне хотелось одного — исчезнуть и вычеркнуть из памяти войну. Мне претило постоянно обсуждать ее в интервью. Меня тошнило от собственного лица в новостях и литературных программах. Я мечтала забыться.

Вот почему мне так не терпелось увидеть Объекты.

Десять тысяч лет назад солнечная система, известная ныне под названием Галереи, была отдаленным и неприглядным уголком — одним из мелких желтых солнц с семью самыми обыкновенными планетами. А примерно около десяти тысяч лет назад из этих планет изваяли — никто не знает, кто и зачем, — семь гигантских скульптур.

Открывшие их спустя шесть тысячелетий люди назвали скульптуры соответственно их виду. Считая от солнца, они стали именоваться: Слезинка, Зигзаг молнии, Мозг, Перевернутый город, Додекаэдр, Пылающий кубок и Сломанные часы.

Их предназначение так и осталось тайной. Но я надеялась позаимствовать у этих переживших столько тысячелетий изваяний масштаб для оценки своей личной истории. Обдумывая и перелагая мысли в стихи, я рассчитывала увидеть прожитую горстку дней на фоне тысячелетий

и тем изгнать из них боль. Может быть, рассматривая Объекты молодыми глазами Адама, я сумела бы этого добиться.

Сначала мы должны были подойти к Мозгу — широкому оvoidу размером с Марс. Он, как и остальные Объекты, был прежде в разумном приближении шарообразным. А потом скульпторы посредством некоей немислимой техники изменили его форму и прорезали на поверхности глубокие извилины. Самые большие из них представляли собой ущелья, маленькие не превышали нескольких сантиметров в ширину. Все вместе складывалось в замысловатый всепланетный лабиринт изысканной сложности, не имевший с виду ни начала, ни конца, ни входа, ни центра.

Я планировала еще полчаса провести в бассейне, наблюдая за приближением к Мозгу в окно. Надеялась, что вода расслабит напряженные мышцы плеч и шеи, сможет усталость. Когда подойдем ближе, поднимусь в каюту и разбужу Адама. Мы оденемся, позавтракаем суши и чаем на обзорной палубе в передней части корабля, где под прозрачным куполом соберется смотреть на близкую планету большинство пассажиров и членов экипажа.

Я почти задремала, когда вода вокруг меня колыхнулась. Первое впечатление было приятным, словно качаешься на родительских руках. Но второй толчок, сильнее первого, вырвал меня из полудремы и заставил ухватиться за бортик бассейна. Мигнул свет. За окном промелькнул рой светлячков.

Торпеды!

Нас атаковали, но кто? И почему нет сигнала тревоги? Почему мы не уклоняемся?

Отключились двигатели, прекратили работу кондиционеры воздуха. Наступившее молчание было страшнее любого грохота.

Я вылетела из воды, подхватила халат. Из сауны показалась пара озадаченных подростков, но я проскочила мимо них в коридор. На раздумья не было времени. И предупреждать других некогда. У меня, вполне возможно, осталось всего несколько минут жизни, и за это время я должна была кое-что успеть.